

Водитель поднялся, огляделся по сторонам и похлопал себя сзади, сбивая воображаемую пыль с брюк.

— По машинам! — крикнул он. — Поехали, поехали!

Гоудань прищурился. Этот шофёр тоже был непрост. Все радовались, что налётчики не обыскали его и Ван Сюаня, но ведь водителя, кажется, тоже никто не тронул? Из-за давешней суматохи это ускользнуло от внимания. А ведь шофёр первым выскочил из кабины, присел у колеса, обхватив голову руками, и за всё время не проронил ни слова.

Гоудань бесцеремонно согнал сидевшего впереди пассажира на их прежнее место в глубине салона, и они с Ван Сюанем устроились прямо за спиной водителя, чуть правее.

— Дяденька, а у вас ничего не отобрали? — спросил Гоудань. — Смотрю, они к вам даже не привязывались.

Водитель не обернулся. Осторожно преодолев крутой поворот, он глухо ответил:

— С шофёрами всегда так. Уж не знаю, с каких пор повелось, но пассажиров они трясут, а нас не трогают. Опасаются, видно, что если водители разбегутся, то и рейсы прекратятся. Некого возить станет — считай, сами себя без наживы оставят.

"Неужели правда?"

Гоудань усомнился, но расспросы решил отложить. Пока они оставались в автобусе, ворошить это не стоило.

— А эти грабители — из местных горных деревень или залётные? — снова заговорил парень. — И дерзкие же... Не боятся, что за них всерьёз возьмутся и переловят?

Судя по тому, как уверенно разбойники ориентировались в лесной глуши, чужаками они быть не могли.

— Да из здешних они, лесных! — зло плюнул кто-то из глубины салона.

Водитель кивнул в знак согласия:

— Тут в горах несколько деревень притаилось, в этих краях испокон веков разбойники водились. Дорога-то от самих поселений далековато проходит. Жизнь в глуши тяжёлая, земли пригодной мало. Ютятся у подножия склонов, там даже пятачок ровной земли под избу расчистить — и то мука. В разбое почитай вся округа завязана. Стоит милиции в какую-нибудь деревню сунуться — весть мигом разносится. Вся здоровая мужичня тут же уходит в чашу, в

домах остаются лишь бабы, старики да малышня. Попробуй тут следствие проводи! Бабы рта не раскроют, а беглые тем временем в тайге отсиживаются, шалаши себе строят. Домашние им потихоньку муку да масло таскают, кормят. Вот эти голубчики и промышляют на трассе — устраивают завалы где вздумается. Поймать их почти невозможно.

Теперь Гоудань в общих чертах понял, как устроена здешняя вольница.

— На месте они долго не задерживаются, нападают без всякой системы, а у милиции людей не хватает, — продолжал водитель. — Чистой воды партизанщина: наскочили, обобрали и ищи ветра в поле. Не станут же власти прочёсывать весь этот хребет цепью ради нескольких кошельков. Силы просто неравны.

Гоудань посмотрел в окно на уходящие вдаль угрюмые хребты. Задача и впрямь казалась невыполнимой: местные знали каждую тропку, каждый овраг. К тому же эти горы лежали аккурат посередине между уездным центром и столицей провинции.

— К счастью, обходится без мокрухи, потому начальство пока сквозь пальцы на это смотрит.

Будь иначе, власти приложили бы все силы, чтобы изловить душегубов. Таких обычно без лишних разговоров пускают в расход или упекают на каторгу до конца дней.

— Да в нашем автобусе наверняка найдутся те, кто признал кого-то из грабителей, — вздохнул шофёр. — И что толку? Разбойники даже лиц не прячут. Знают, что управы на них нет. Вот и остаётся только зубами от злости скрипеть.

В салоне царило уныние. Кто-то тихонько всхлипывал, кто-то вполголоса матерился, а кто-то, напротив, радовался, что уцелел и не словил пулю или перо под ребро.

Водитель замолчал, сосредоточившись на дороге. Сумерки быстро сгущались. Печки в старом автобусе не было, и пронизывающий холод постепенно сковывал мысли, превращая головы пассажиров в тяжёлые чугунные чурбаны.

К тому времени, когда пришлось включить фары, впереди, сквозь морозную мглу, наконец показались тусклые огни уездного городка.

Дорога выдалась на редкость паршивой, однако никто из пассажиров, похоже, не собирался бежать в милицию. Все словно смирились со своей долей. Тратить время на бумажную волокиту ради вещей, которые уже никогда не вернут, никому не хотелось.

На конечной Гоудань и Ван Сюань вылезли наружу вслед за остальными. От долгого сидения колени затекли и одеревенели, а мороз на улице стоял просто собачий.

"Стряслась такая беда, и хоть бы одна душа пошла заявить в органы. Наверное, в глухих углах

это обычное дело. Людям проще проглотить обиду, чем связываться с властями. Лишь бы завтра снег не повалил. Сейчас самый разгар предновогодних хлопот, если заметёт дороги, да ещё автобусы забьют под завязку, завтра тут начнётся сущий ад"

— Может, не поедем на окраину? — предложил Ван Сюань, кутаясь в воротник. — Холодрыга страшная, фонарей там нет, да и дорогу наверняка развезло.

В их загородном доме давно никто не жил. Дров и угля там не сыщешь, постели отсырели и не согреют, да и в закромах шаром покати — ни крошки съестного.

— Пошли в новый гостевой дом «Инбинь», — кивнул Гоудань. — Там хоть обогреемся и поедим по-человечески.

Свет уличных фонарей едва разгонял темноту, выхватывая неровности разбитого асфальта. Дыша паром, уставшие и голодные парни наконец добрались до знакомого Гостевого дома Инбинь.

Детворе мороз нипочём. Натянув заношенные ватники, ребятишки с криками носились по деревенским переулкам, играя в прятки. Полы их одежонок засалились до блеска и затвердели от грязи — такие лохмотья греют плохо. Но сменной одежды на зиму у них не водилось, приходилось донашивать старьё до самой весны.

Гоудань едва успел увернуться от летящего на него мальчугана, который то и дело оглядывался на преследователей и едва не растянулся на ровном месте. Споткнувшись, малец задрал голову, увидел двух высоких, добротнo одетых парней, и глаза его так и вспыхнули. Забыв про игру, он принялся скакать вокруг них, заливисто крича:

— Ой! Дядя Гоудань вернулся! Дядя Гоудань приехал! Ура-а!

Гоудань присмотрелся к замурзанному личику со следами цыпок на щеках.

"Ба, да это же непоседа-сынишка брата Миньюаня! Надо же, как вымахал!"

— Дядя Гоудань, это я! Правда я! — обрадовался малец тому, что его узнали, и запрыгал ещё усерднее. — Вы только-только приехали? А что у вас в мешках такое большое? Дядя Гоудань...

— Да не скачи ты так, голова кругом, — с улыбкой осадил его Гоудань. — Чего на таком холоде возитесь? Коли одёжу промочите, дома живо нахлобучку получите.

Мальчик уставился на него снизу вверх. Личико у него от ветра и мороза потемнело и

покрылось багровой коркой, нос покраснел, а обветренные губы потрескались. Он то и дело облизывал их. Зимой все здешние ребятишки выглядели одинаково — чумазые, с обветренными щеками, точь-в-точь дикие котята.

Одеты они были в перешитые из взношенного взрослого тряпья ватники и штаны. На сыне Минъюаня вещей висело много, но толку от них было мало — мать просто натянула на него несколько слоёв тонкой изношенной одежды. Выглядел он круглым, как колобок, а мёрз не меньше других.

У старой тетушки сыновей хватало, да и внуков с внучками родилось немало. Жили они сносно, но с такой оравой не разгуляешься. Взрослые себе обнов годами не покупали, что уж говорить о детях — новая вещь для них была неслыханной роскошью. За счастье почиталось получить хотя бы перешитый ватник. Минъюань женился поздно, так что его сынишка донашивал обноски за двоюродными братьями.

Гоудань и сам рос точно так же: натягивал на себя всё, что находил в сундуках — свои старые лохмотья, дырявые вещи отца... Главное, чтобы грело, пусть даже под зимний кафтан приходилось надевать летние рубахи.

Гоудань ласково потрепал мальчишку по голове. Тот задрал подбородок и расплылся в улыбке до ушей. Он откинул голову так сильно, что едва не завалился навзничь, и Гоуданю пришлось придержать его за затылок. У деревенских ребятишек от скудного питания головы всегда казались непропорционально крупными, с выдающимися затылками.

— Дядя Гоудань, а вы и правда теперь в университете учитесь?

— Правда, — улыбнулся парень.

— Ух ты-ы! Студент! Настоящий студент! — наперебой закричала детвора.

Они окружили парней плотным кольцом и принялись шумно прыгать, радуясь так искренне, словно это их приняли в столичный вуз. Родители, должно быть, прожужжали им все уши, так что в глазах деревенской мелюзги Гоудань и Ван Сюань превратились в сказочных героев, совершивших нечто невероятное.

Ван Сюань достал из вещевого мешка пачку знаменитых конфет «Белый кролик», разорвал обёртку и раздал каждому по две штуки, после чего велел бежать по домам. Малышня, не ожидавшая такого богатства, пришла в полный восторг. С зажатыми в кулаках конфетами они бросились врассыпную, оглашая окрестности криками:

— Студенты вернулись! Наши студенты приехали!

Высаженные вдоль дороги по осени деревца прижились от силы наполовину. Пустые лунки от

погибших саженцев забились снегом — весной придётся раскапывать их заново и высаживать новые прутьики.

Их ветхая трёхкомнатная мазанка сиротливо стояла в самом конце наезженной колеи. Издалека из-за высокого плетня виднелась лишь потемневшая соломенная крыша. Летом здесь всё утопало в буйной зелени, а теперь сиротливый забор да пара кривых голых деревьев на фоне зимнего неба наводили тоску.

Неподалёку выросли ещё две новые хижины — должно быть, отстроились отделившиеся от родителей молодые семьи. Перекинув поудобнее лямки тяжёлых мешков, парни зашагали к дому, из трубы которого струился тонкий сизый дымок.

Не прошло и полудня, как о возвращении ребят знала вся деревня. Самые праздные и любопытные соседки тут же притащились в гости. Они без церемоний усаживались на кане, поджав под себя ноги, грызли семечки и бесстыдно плевали шелуху прямо на пол. Гоудань чувствовал себя не в своей тарелке. Раньше у них тоже бывало людно, но то приходили близкие друзья. Теперь же дом заполнили тётки, невестки да кумушки всех мастей со своими бесконечными расспросами. О таких вещах, как право на личную жизнь или элементарное приличие, эти деревенские сплетницы и слыхом не слыхивали.

Ладно бы те, кто знал меру, но ведь хватало и таких, кто кичился возрастом и мнил себя важными персонами. Гоудань за время учёбы по привычке сдерживался, но когда дело дошло до ужина, а некоторые гости и не думали уходить, терпение его лопнуло. Поди разбери: звать их за стол из вежливости или нет? Тем более с большинством из них они раньше и словом перекидывались раз в год.

— Брат Хэйя, у нас ужин стынет. Тебе разве домой не пора? — напрямую спросил Гоудань. — Небось невестка уже обыскалась...

— Ха! Стану я бабу слушать! — ухмыльнулся тот, обнажив гнилые зубы. — Кто в доме хозяин — она или я? Батюшки, а пахнет-то как знатно! А ну, плесните-ка и мне похлёбки, дайте ложку — сниму пробу с барского ужина, узнаю, чем там столичных студентов кормят!

Заметив, как потемнел от злости лик сына, Ли Сы поспешил выставить лишнюю плошку и палочки. Наглый бездельник тут же пристроился к столу. Брызгая слюной, он размахивал руками, хвастался какими-то небылицами и бесцеремонно ковырялся своими палочками в общем блюде, переворачивая куски. Мало того что напросился на бесплатное угощение, так ещё и принялся придирается: то недосолено, то пережарено. Поучая хозяев, он без зазрения совести тыкал в их сторону палочками. Наглость неопиcуемая! Семья Гоуданя не имела с этим типом ничего общего, даже фамилии были разные, а «братом» его звали исключительно из вежливости.

Гоудань смерил его ледяным взглядом:

— У нас разносолов не держат. Если дома кормят лучше — скатертью дорога. Лишнего зерна у

нас нет.

Тот сразу сник и забормотал:

— Да ладно тебе, ладно... Я ж так просто, к слову пришлось.

Ли Сы сидел как на иголках, опасаясь, что сын в ярости перевернёт стол и спустит наглеца с крыльца. Он отлично знал крутой нрав Гоуданя и порой сам взвешивал каждое слово, боясь навлечь на себя его гнев. К счастью, обошлось.

Впрочем, этот случай ничему Хэйя не научил. Позже он на каждом углу хвастался, будто столичные студенты перед ним на задних лапках ходят и лучшими кусками потчуют. Нахлебничество он искренне считал поводом для гордости.

Гоудань давно привык к подобным типам — болтливым любителям поживиться за чужой счёт. В голодные годы он и не таких чудил повидал. Поведение Хэйя его не удивляло, но приятного в этом было мало, особенно когда наглость касалась его самого.

С возвращением ребят в доме Ли не утихал гул голосов. Жила семья на самой окраине, так просто мимо не пройдёшь, но соседи нарочно делали крюк, уверяя, что заглянули «по пути» — просто поздороваться да перекинуться парой слов. Расспросы крутились вокруг одного и того же: как устроен университет, какова она — жизнь в огромном городе. Деревенские жители, никогда не выезжавшие за пределы уезда, судили обо всем по-своему, но слушать рассказы были готовы часами.

Первые пару дней ушли на удовлетворение общего любопытства, а затем у дома стали собираться старые друзья, с которыми парни выросли бок о бок.

— Когда погода ясная, он выползает во двор, — хмуро рассказывал Дафу о состоянии Дачжуана. — С костылями даже по хозяйству пытается помогать. Но в такие холода ему на улицу ходу нет — суставы крутит немилосердно.

— А ты сам чем промышляешь? — спросил Гоудань. — Из каменоломни ты ушёл, надо ведь как-то на жизнь зарабатывать.

— Думаю после Нового года в Южные регионы податься, попытать счастья, — вздохнул Дафу.
— Как считаешь, полегче там с работой?

— Трудно сказать, — покачал головой Гоудань. — Я ведь там наездами бывал, всё в одних и тех же местах. Чернорабочие везде нужны, да только чужаков часто дурят. Нарвёшься на бесчестного хозяина — и поминай как звали.

Он вкратце описал товарищам положение дел в Южных регионах, а заодно рассказал о

дорожном налёте, в который они с Ван Сюанем угодили по пути домой.

— Поехать-то можно, но в дороге всякое случается, — добавил он. — И на кого ты дом оставишь?

— Отец с матерью ещё крепкие, справятся, — ответил Дафу. — К тому же Дагуй уже вовсю работает, заменит меня, если уеду. Да и младшие подрастают, понемногу помогают по хозяйству.

Услышав рассказ Гоуданя, остальные притихли. Многие из них в своей жизни дальше уездного города носа не показывали, а некоторые и уезда-то не покидали. Незнание пугало, заставляя сомневаться в собственных силах.

— Я слышал, в уезде собираются строить крытый рынок, — заметил Гоудань. — Если получится выхлопотать там место под прилавок, можно неплохо развернуться.

Ребята лишь дружно вздохнули — где взять деньги на дело? Свободных грошей ни у кого не водилось.

Позже Гоудань и Ван Сюань навестили Дачжуана. Парень страшно исхудал, обтянут кожей да костями, а в глазах его застыла глухая, беспросветная тоска. Смотреть на него было больно. Вытянув искалеченную ногу, он сидел на кане и безучастно наблюдал за маленьким сынишкой, который кувыркался рядом. Стоило малышу подобраться к самому краю, как отец лениво протягивал руку и сдвигал его обратно на середину.

Несмотря на общую подавленность, выглядел Дачжуан опрятно. Было видно, что домашние заботятся о нём со всей душой.

Увидев гостей, он попытался улыбнуться:

— Мой малец уже донёс, что вы вернулись. Рад бы сам доковылять, да мороз проклятый не пускает. Спасибо, что заглянули.

— Да брось ты, о чём речь, — отозвался Гоудань. — У нас дома просто прохода не дают, житья от гостей нет.

— Ещё бы, вы же теперь столичные студенты, птицы высокого полёта, — вздохнул Дачжуан. — Для нашей глуши это чудо невиданное. Всем охота послушать про Столицу. У нас ведь каждый мечтает хоть раз в жизни побывать на площади Тяньаньмэнь. Небось свахи уже порог обивают?

— И не говори, — отмахнулся Гоудань. — Я тех невест и в глаза не видел, понятия не имею, что за девки, а тётки так расписывают, будто сокровище сватают. Клянутся, что век благодарен буду.

— Время пришло, — серьёзно сказал Дачжуан. — Ты парень видный, образованный, со столичным будущим. Кто же от такого зятя откажется? Даже если понимают, что шансов мало, всё равно пытаются попытать удачу — а вдруг выгорит? За хорошую девку полдеревни бьётся, а за завидного жениха — и подавно.

<http://bllate.org/book/19654/1996804>